

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 85**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 85 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 254 с.

ISBN 978-5-458-04733-3

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04733-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Подъ знаменемъ университета ¹⁾.

М. Г.!

Я вступаю на эту кафедру родного университета, охваченный торжественнымъ волненіемъ предъ величіемъ той идеи, которой призвано служить это высокое учрежденіе, предъ чистотой того духовнаго знамени, которое развѣвается надъ стѣнами этого зданія, предъ исключительной значительностью того идейнаго девиза, который выставленъ на его фронтонѣ. Девизъ этотъ—*университетъ*, *universitas litterarum*, не знанія, но знаніе, не науки, но наука, не частности, но цѣлое, все, *universum*. Прислушайтесь къ этому зову, молчаливому, но могучему. Университетъ, какъ идея, какъ идеаль цѣлокупнаго, всеобщаго, единаго знанія, выражаетъ неутолимую духовную жажду, могучую потребность всякаго сознательнаго человѣка. Едва онъ открываетъ глаза и сознательнымъ взоромъ смотритъ на Божій міръ, онъ уже спрашиваетъ: что есть все и что я во всемъ? Въ умѣ его тогда уже зарождается идея университета, потребность цѣльнаго знанія.

Древнія религиозныя ученія, первоначальныя философскія системы съ ихъ несложными построеніями руководились именно этимъ самымъ стремленіемъ, которое находитъ сознательное выраженіе и въ новѣйшей философіи.

Идеаль этотъ оказывается настолько живучимъ и не-

¹⁾ Вступительная лекція въ Московскомъ университетѣ къ курсу „Критическое изслѣдованіе проблемъ и идеаловъ политической экономіи (очерки соціальной философіи)“.

устранимымъ изъ нашего сознанія и нашей воли, стремленіе побѣдить „мстительный хаосъ“ міра свѣтомъ единящаго голоса такъ неразрывно слито съ стремленіемъ къ знанію вообще, что этотъ универсализмъ былъ, такъ сказать, естественнымъ и первоначальнымъ состояніемъ человѣческой мысли, и первый университетъ родился въ этомъ смыслѣ вмѣстѣ съ первымъ мыслителемъ. Если мы остановимъ вниманіе на характерѣ античной философіи и науки, находившейся еще въ дѣтскомъ и недифференцированномъ состояніи, то увидимъ, что эта философія являлась дѣйствительно цѣльнымъ знаніемъ, объединяющимъ въ себѣ всѣ тогдашнія науки и въ своемъ синтезѣ возводящимъ ихъ разрозненные наблюденія къ высшему единству. Потому въ лицѣ Платона или Аристотеля (не говоря о болѣе раннихъ) мы видимъ представителей не только философіи, но и всего знанія эпохи. Аѳинская площадь и академія Платона были подлинными университетами своего времени. Переходя къ среднимъ вѣкамъ, формально мы замѣчаемъ ту же особенность и въ средневѣковой мысли и знаніи, то же стремленіе сохранить ихъ единство, хотя бы цѣною насилія, практиковавшагося со стороны схоластическаго богословія надъ свободною мыслью. Идея университета жила и подъ сдавленными сводами средневѣковой готики. Печать сознательнаго универсализма лежитъ, наконецъ, на твореніяхъ величайшихъ представителей мысли и знанія новаго времени, на системахъ Спинозы, Декарта и Лейбница, Канта и Гегеля, Шеллинга и Шопенгауэра, фонъ-Гартмана. Высшій полетъ ихъ мысли возноситъ ее къ сознанію мірового единства и устремляетъ къ идеалу университета какъ цѣльнаго знанія. Въ недавніе дни и въ стѣнахъ этого университета великимъ глашатаемъ идеала философіи положительнаго всеединства и цѣльнаго знанія явился нашъ русскій философъ Влад. Соловьевъ, и я прихожу къ вамъ сознательнымъ сторонникомъ его міровоззрѣнія, которое такъ недавно потеряло здѣсь столь незамѣнимаго и талантливѣйшаго защитника въ лицѣ кн. С. Н. Трубецкаго.

Нелегко достается эта борьба единящаго логоса съ хаосомъ мірозданія. Въ развитіи человѣческой мысли каждая такая попытка единенія оказывается преждевременной и несовершенной и разсыпается подъ сокрушительнымъ дѣйствіемъ критики и царящей міровой разрозненности, нестройности хаоса. Ибо, по слову поэта:

Мірозданіемъ раздвинуть—
 Хаосъ мстительный не спитъ,
 Искраженъ и опрокинутъ
 Божій образъ въ немъ дрожить,
 И, всегда обмановъ полный,
 На Господню благодать
 Мутно плещущія волны
 Онъ старается поднять.

И сила мстительнаго хаоса преодолеваетъ усилія человѣческой мысли освѣтить его изнутри, сдѣлать проницаемой его толщу, побѣдить разрозненность, и за гигантскими усиліями и высокими взлетами слѣдуютъ упадокъ силъ и глубокіе срывы. И въ настоящее время человѣчество еще находится подъ впечатлѣніемъ послѣдняго такого срыва, происшедшаго въ первой половинѣ XIX вѣка и надолго, кажется, устранившаго надежды на новый полетъ, и новое время въ наибольшей степени характеризуется упадкомъ истинно университетскаго духа, торжествомъ знаній надъ знаніемъ, побѣдой силы центробѣжной надъ центроостремительной. Развитіе специальныхъ наукъ и точныхъ методовъ, вся лавина современного многознанія, растущая наподобіе снѣжнаго кома, какъ будто засыпала единое русло человѣческой мысли, перепрудила ея потокъ. Дробная спеціализация стала условіемъ успѣшнаго развитія знаній; хорошо знать что-нибудь можетъ только спеціалистъ и притомъ тѣмъ лучше, чѣмъ уже будетъ онъ замыкаться въ своей спеціальности. Прежній универсализмъ древности и средневѣковья (да и новѣйшей философіи) кажется теперь дилеттантизмомъ или просто научнымъ невѣжествомъ, котораго ученые спеціалисты не удостоиваютъ даже своего презрѣ-

нія. Единый потокъ знанія продолжаетъ раздѣляться на безчисленное количество отдѣльныхъ ручейковъ, все слабѣе соединяющихся между собою и образующихъ скорѣе озера, иногда же болота и загнивающія лужи. Никогда еще въ такой степени не выяснялась и такъ болѣзненно не чувствовалась наиболѣе чуткими представителями мысли вся трагедія знанія, муки Фауста съ его отчаяннымъ выводомъ, что „мы не знаемъ ничего, что точно стоило бы знанія“. Въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы двигаться навстрѣчу единственно достойному человѣка идеалу цѣльнаго знанія, человечество должно идти пока въ направленіи ему прямо противоположномъ, отъ универсализма къ спеціализаціи, отъ единства къ дробленію, и путь этотъ уводитъ все дальше отъ желанной цѣли, сумерки мысли при обиліи знаній становятся гуще, и наука уподобляется сейчасъ царю Мидасу, обращающему въ золото, въ мертвое богатство своимъ прикосновеніемъ все живое. И что, можетъ быть, самое тяжелое, начинаетъ притупляться уже тонкость философскихъ ощущеній, спеціалисты перестаютъ страдать отъ своей спеціализаціи и начинаютъ даже гордиться ею, и филистерское самодовольство начинаетъ искажать благородныя черты Фауста. Раздробленности мысли отвѣчаетъ и раздробленность жизни и чувствованій. Тотъ пучокъ лучей, который, будучи собранъ въ одинъ фокусъ, оттуда освѣщаетъ окружающее ровнымъ свѣтомъ, теперь разсѣивается въ пространствѣ, такъ что случайное, дробное, особое получаетъ все большее значеніе въ жизни. Однако вѣдь существуетъ же и теперь университетъ, слышится, хотя и слабо, его зовущій голосъ, еще не свернуто его знамя. Значитъ идеаль - *universitas* — не до конца померкъ въ современномъ сознаніи. Неужели же теперь существованіе университета выражается только въ внѣшнемъ соединеніи въ одномъ зданіи и подъ одной кровлей отчужденныхъ взаимно наукъ такъ, какъ въ кунсткамерѣ или музеѣ въ одномъ помѣщеніи или залѣ собираются разные предметы, принадлежащія чуждымъ цивилизаціямъ? Есть ли универси-

теть такой музей или кунсткамера знаний, механическое соединеніе нѣсколькихъ факультетовъ, или специальныхъ кафедръ? Но если это такъ, то слѣдуетъ прямо сказать, что университета теперь нѣтъ, потому ли, что его вообще не можетъ быть въ наше время при теперешнемъ состояніи знаний, или же потому, что теперешніе ученые не въ состояніи создать университетъ, и пора его замѣнить механически-организованнымъ политехникумомъ. Университетъ останется тогда лишь административно-бытовымъ терминомъ, обозначающимъ мѣсто соединенія разныхъ специальностей и, по новѣйшей версіи, еще разныхъ политическихъ фракцій, какъ афинская агора оглашалась рѣчами и софистовъ, и заклятаго врага ихъ Сократа, и политическими дебатами разныхъ партій. Или же университетъ существуетъ не только какъ агора и политехникумъ, составляя не только внѣшній, но и внутренній фактъ сознанія, и тогда должна существовать какая-то жажда, неутоленное стремленіе къ университетскому или, что то же, универсальному, цѣльному знанію и преподаванію. Должны существовать какія-то нити, связывающія и какъ бы нанизывающія на себя разрозненные знанія и при извѣстныхъ условіяхъ ихъ можно почувствовать и осязательно нащупать.

Каковы же онѣ? Мы остаемся попрежнему далеки отъ обще-научнаго синтеза, если онъ вообще возможенъ, но мы не должны забывать о немъ какъ о предѣльной точкѣ и истинной цѣли знанія. Ремесленный специалистъ не долженъ убивать въ себѣ мыслителя, тоскующаго о цѣльномъ знаніи. Нужно чувствовать эту трагедію знанія и болѣть ею, чтобы не впасть въ самодовольство. Завѣтъ Сократа: я знаю лишь то, что ничего не знаю, истиннымъ, цѣльнымъ образомъ, долженъ постоянно звучать въ душѣ, чтобы внѣшняя граница, очерчивающая кругъ данной специальности, не превращалась во внутреннюю ограниченность. Сожительство наукъ подъ однимъ кровомъ не должно привести къ окончательному ихъ разноязычію, которое стало удѣломъ строителей Вавилонской башни, задуманной тоже по гор-

дому и величественному плану. Представители специальности должны помнить, что она есть лишь точка или градусъ на глобусѣ цѣльнаго знанія, и это сознаніе побуждаетъ къ философствованію въ предѣлахъ данной науки, къ раздумью о дѣйствительномъ значеніи ея выводовъ и связи ихъ съ сопредѣльными областями знанія, стремленію и обобщеніямъ, увѣнчивающимъ и въ извѣстномъ смыслѣ оправдывающимъ спеціальныя науки. Трудно точнѣе формулировать это, ибо рѣчь идетъ собственно о научно-философскомъ настроеніи, которое скажется рѣшительно во всемъ, но и ни въ чемъ въ особенности. Оно выразится, между прочимъ, въ приведеніи выводовъ спеціальностей въ связь съ высшей проблемой—съ загадкой о самомъ человѣкѣ. Ибо, какъ ни измѣнились наши астрономическія воззрѣнія со времянь Коперника, но въ мірѣ нравственномъ сохраняетъ силу геоцентрическая, точнѣе антропоцентрическая система Птолемея.

Въ центрѣ всѣхъ вопросовъ науки стоитъ все-таки вопросъ о самомъ человѣкѣ, и наука не только не можетъ забыть о немъ, но каждая по своему и на своемъ языкѣ пытается рѣшать этотъ вопросъ или давать матеріаль для его разрѣшенія. И эта центральная проблема собираетъ разрозненные лучи знанія какъ бы въ одинъ фокусъ, сливаетъ пеструю окраску спектра въ бѣлый свѣтъ. И только этимъ и обезсиливается сарказмъ Базаровскаго нигилизма, что наука не существуетъ, существуютъ только науки. Итакъ, философское отношеніе къ знанію и философствованіе въ предѣлахъ специальности, борьба съ чрезмѣрностью спеціализаціи, которая неизбѣжно отразится и на самой успѣшности работы, вотъ то стремленіе, которое слѣдуетъ вносить въ науку во имя идеала университета и цѣльнаго знанія. Этотъ постулатъ и даетъ оправданіе и отчасти опредѣляетъ и содержаніе того курса, который я имѣю предложить вашему вниманію и который можно опредѣлить какъ философскую пропедевтику или критическое введеніе въ политическую экономію и даже вообще въ социальную на-

уку. Кажется, выраженіе философія политической экономіи звучить для уха далеко не такъ привычно, какъ, наприм., философія права или исторіи. Однако же къ этому термину и обозначаемому имъ кругу идей и проблемъ пора уже приучать современное сознаніе. Вѣдь политическая экономія, какъ и вся вообще общественная наука, имѣетъ прямымъ своимъ предметомъ проблему о человѣкѣ и объ его общественномъ бытіи, хотя и въ специальной ея постановкѣ, слѣдовательно, находится въ самой ближайшей связи съ философіей и ея проблемами. Межа, отдѣляющая общее и специальное, а вмѣстѣ и связь, ихъ соединяющая, должны здѣсь вырисовываться въ сознаніи съ особенной отчетливостью. Поэтому естественно ожидать, что въ своей разработкѣ и политическая экономія, и вся социальная наука проявитъ наибольшую философскую сознательность, скромность и осторожность. Къ сожалѣнію, предположеніе это далеко не вполне оправдывается, и ни общественная наука вообще, ни политическая экономія въ частности не стоятъ на высотѣ своего призванія. Что касается первой, то ее постигла прямо трагическая судьба философскаго упадка и даже вырожденія въ связи съ общимъ философскимъ упадкомъ въ 2-й половинѣ XIX в. Извѣстно, что середина этого вѣка образуетъ собой переломъ, какъ бы водораздѣлъ между двумя философскими теченіями: въ первую половину XIX вѣка наблюдается начавшійся съ Канта и закончившійся Гегелемъ разцвѣтъ спекулятивной философіи, пора такъ назыв. классическаго нѣмецкаго идеализма. Этотъ подъемъ заканчивается отвѣснымъ обрывомъ, и высшее напряженіе философской спекуляціи приводитъ къ цѣли. Туго натянутая струна лопнула. Господство классическаго идеализма, во многомъ не безъ вины послѣдняго, смѣняется господствомъ догматическаго, некритическаго позитивизма, сводившаго на смарку не только тѣ или инныя философскія доктрины, но въ значительной степени и самыя проблемы, въ нихъ поставленныя, и спокойно, почти благодушно, безъ трагедіи относительно самыхъ жгучихъ и настоятельныхъ вопросовъ философскаго сознанія;

изрѣкавшаго приговоръ: *ignoramus* или же *ignorabimus*. Девизы и настроенія позитивизма въ области науки, держащіяся въ ней и до сихъ поръ, отличаются отъ тѣхъ идеаловъ университетскаго знанія и сознанія, которые были обрисованы выше. Скорѣе можно сказать про позитивизмъ, что онъ успокаивалъ специалиста въ его спеціальности и тѣмъ обрѣзалъ или ослаблялъ ту нить, которая связываетъ науки и кафедры въ университетъ, обособляя и разсыпая ихъ. Поскольку въ призывѣ къ спеціализаціи и углубленіи въ детали заключается истина и выражается внутренняя необходимость, вліяніе позитивизма на развитіе науки было благодѣтельно, какъ нормальная и здоровая реакція противъ чрезмѣрностей притязаній спекуляціи у Гегеля. Все это движеніе, говоря языкомъ того же Гегеля, явилось антитезисомъ противъ тезиса предыдущей эпохи, и воспроизвело ея односторонность въ обратномъ видѣ. Обращаясь къ соціальной наукѣ, которая окрещена была позитивизмомъ уродливымъ, двухъязычнымъ именемъ—соціологія, надо сказать, что ея судьба оказалась наиболѣе плачевна, какъ дни горя послѣ дней счастья. Ибо она уже имѣла славное начало у представителей идеализма. Хотя она и далека была отъ завершенія, но намѣчался планъ зданія, ставились проблемы; формально она уже стояла высоко. Эпоха позитивизма вмѣстѣ съ философій уничтожила и эту работу, начавъ строить все сызнова. На первый планъ выдвинулась догматическая вѣра въ „соціологическіе законы“, которые можно уловлять во всевозможныхъ направленіяхъ. Потому „соціологій“ въ скоромъ времени явилось нѣсколько, всѣ устанавливали законы общественнаго развитія и, кажется, такъ я сужу и по своему опыту и по опыту другихъ, увлеченіемъ этими схемами надо переболѣть какъ корью, вообще болѣзнью возраста. Не входя въ критику этихъ ученій по содержанію, мы пока отмѣтимъ здѣсь ихъ отличительную формальную особенность, состоящую въ слабости критицизма какъ при постановкѣ проблемъ, такъ и формулировкѣ ученій. Заслуга же ихъ заключается въ накопленіи большого ко-

личества фактическаго описательнаго матеріала, касающагося разныхъ областей общественной жизни. Въ настоящее время пора антифилософской реакціи, повидимому, проходить. Все увеличивается число голосовъ, призывающихъ къ критической провѣркѣ тезисовъ позитивизма и того, что можно назвать его наукословіемъ, учениемъ о наукѣ. То теченіе философской мысли, которое носитъ названіе неокантіанства, выставляетъ непосредственной задачей вернуть утерянныя пріобрѣтенія хотя бы теоріи познанія и приглашаетъ въ этомъ смыслѣ вернуться къ Канту. Хотя это въ моихъ глазахъ и не является еще тѣмъ философскимъ возрожденіемъ, котораго чаемъ, но оказало и оказываетъ уже благодѣтельное вліяніе.

Цѣлый рядъ писателей и философовъ, Виндельбандъ, Риккертъ, Наторпъ, Штаммлеръ, Зиммель въ Германіи, Струве, Кистяковский и др. въ Россіи вновь поставили для пересмотра вопросъ о природѣ соціальнаго знанія,—того, чтò и какъ можемъ мы познавать въ общественной наукѣ. Во многихъ же случаяхъ, особенно относительно нѣкоторыхъ укоренившихся догматовъ, поставить вопросъ значитъ уже на него отвѣтить, какъ въ андерсеновской сказкѣ, достаточно было одному мальчику крикнуть, что король голый, чтобы увидали всѣ.

Поэтому есть надежда, что общественная наука находится уже въ началѣ пути своего, несомнѣнно, медленнаго и труднаго возрожденія, ибо далеко ей еще остается до того, чтобы поднять нить соціально-философской мысли тамъ, гдѣ она выпала изъ рукъ Гегеля, и повести ее дальше, на основѣ всѣхъ завоеваній новой науки. Еще однако неблагопріятнѣе обстояло дѣло относительно политической экономіи, которая не знаетъ такого героическаго прошлаго и при своемъ рожденіи дышала спертымъ воздухомъ банкирской конторы, фабрики, магазина, съ царящимъ здѣсь духомъ практицизма и злободневности. На первый планъ здѣсь выступили задачи практическія, прикладныя, почему успѣшнѣе всего и развивалась именно эта ея сторона.

Дифференціація прикладныхъ отдѣловъ политической экономіи и разработка ихъ происходитъ на нашихъ глазахъ; экономическая техника жизни усложняясь усложняетъ и изучающую ее науку. И если видѣть въ политической экономіи только эту прикладную сторону, разсматривать ее какъ соціальную технику, то на развитіе ея можно смотрѣть съ чувствомъ полного удовлетворенія. Напротивъ, въ философской и, такъ сказать, университетской перспективѣ ея состояніе не внушаетъ тѣхъ же чувствъ. Вначалѣ политическая экономія находилась въ рукахъ практическихъ дѣятелей, каковы меркантилисты, въ извѣстномъ смыслѣ даже и Смитъ, Рикардо, Листъ, нѣкоторые фізіократы. Философской традиціи создаться было мудрено. Позднѣе, въ эпоху уже философскаго упадка, разработка политической экономіи, за совершенно единичными исключеніями, перешла въ руки людей, чуждыхъ философскихъ стремленій и охваченныхъ или философской реакціей, или же индифферентизмомъ. Наиболѣе обобщающія главы такъ называемой теоретической экономіи носятъ явные слѣды этой своей философской безродности.

Отсутствіе собственнаго стиля, прочныхъ традицій, какой-то прирожденный дилеттантизмъ характеризуютъ ее, благодаря чему разрозненная работа растрачивается, разсѣиваясь въ пространствѣ, и чего-либо, что можно бы съ несомнѣнностью назвать непрерывнымъ прогрессомъ въ этой области, мы не усматриваемъ. Въ виду этого многіе изъ видныхъ экономистовъ теперь просто не занимаются теоретическими проблемами, отказываясь отъ философской разработки политической экономіи и всѣ силы устремляя въ практическую область. И, дѣйствительно, благодаря отсутствію критическаго базиса, предварительной расчистки почвы, многіе десятки разнообразныхъ теорій по разнымъ вопросамъ политической экономіи представляютъ собой разноголосицу, нѣкоторую какофонію; не сговорившись объ основныхъ задачахъ и понятіяхъ, каждый говоритъ здѣсь о своемъ и всѣ о разномъ. Найти руководящую нить здѣсь